рится о чтениях им Гёте и Шекспира. И несомненно, что соприкосновения с многограннейшими мирами того и другого сделали Пушкину байроновскую односторонность особенно ощутимой. Это видно из некоторых последующих его критических набросков. Меряя в них Байрона, которого он не перестанет до конца жизни исключительно высоко ценить, мерой Гёте и Шекспира, Пушкин приходит к непререкаемому для себя выводу, что этой высочайшей меры гений великого английского поэта не выдерживает.

Замечая, что «Гёте имел большое влияние на Байрона. Фауст тревожил воображение Чальд Гарольда» (имеется в виду его драматическая поэма «Манфред» и драма «Преображенный урод»),— Пушкин продолжает: «Байрон пытался бороться с Великаном романтической поэзии — и остался хром, как Иаков» (XII, 163) [13]. Заметка относится к самым последним годам жизни Пушкина, но о том же он писал и ранее, в 1827 г. (XI, 51). А в период работы над «Борисом Годуновым», противопоставляя Байрону Шекспира, он замечал: «Как мелок (mesquin) по сравнению с ним Байрон-трагик» (XIII, 197 и 541). Замечания эти имеют в виду драматургию Байрона, к которой Пушкин вообще относился отрицательно. Но еще до этого, все в тот же год написания третьей главы «Евгения Онегина», он дает в письме к Вяземскому развернутую характеристику всего его творчества: «...тебе грустно по Байроне, а я так рад его смерти, как высокому предмету для поэзии. Гений Байрона бледнел с его молодостью. В своих трагедиях, не выключая и Каина, он уже не тот пламенный демон, который создал Гяура и Чильд Гарольда. Первые 2 песни Дон Жуана выше следующих. Его поэзия видимо изменялась. Он весь создан был на выворот: постепенности в нем не было, он вдруг созрел и возмужал — пропел и замолчал; и первые звуки его уже ему не возвратились — после 4-й песни Child Harold Байрона мы не слыхали, а писал какой-то другой поэт с высоким человеческим талантом» (XIII, 99).

Эта острейшая характеристика во всех отношениях заслуживает особого внимания. Гёте, восхищаясь гением Байрона, как мы видели, готов был безоговорочно-положительно оценивать все, что появлялось из-под его пера. Пушкин с самого начала (вспомним определение им Вольтера в период мальчишески восторженного преклонения перед ним: «Фернейский злой крикун») ни из кого, даже из вершиннейших представителей мировой литературы, не творил себе кумира. Считая, что «истинная критика» должна быть строго научной, он писал: «Критика — наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы» (XI, 139). Именно так подошел он, как критик, и к динамической оценке байроновского творчества — его красот и его недостатков. А через некоторое время уже как поэт-художник явно на основе все тех же долгих дум о судьбе Байрона-романтика, итогом которых была только что приведенная характеристика, Пушкин, размышляя в шестой главе (писалась сразу же — под несомненным впечатлением — после поражения декабристов и казни пяти главных участников восстания) о двух возможных вариантах дальнейшей судьбы Ленского, останься он жив, подымается до широкого обобщения, связанного с романтическим мировосприятием вообще. Вольнолюбивого поэта-романтика ждал бы или славный героический путь с трагедийным финалом (в этой связи называются имена Наполеона и Рылеева —«мог... быть повешен, как Рылеев», VI, 612), или — из контекста это выглядит наиболее вероятным — охлаждение «пыла души» и превращение из восторженного мечтателя в заурядного обывателя-помещика.

В этой связи невольно приходит на мысль известное суждение о Байроне Карла Маркса, неоднократно, по словам одной из его дочерей, им

[13] По Библии, Иаков, не зная, что перед ним бог, вступил с ним в борьбу и, хотя не был побежден, остался на всю жизнь хромым. Это метафорическое сравнение подсказано и реальной деталью: Байрон был хромым.